

А. А. РЫВКИН

МЫ ЕЩЕ ТОЛЬКО УЧИМСЯ УЧИТЬ

«Вопросы образования»: *Цель наших разговоров со школьными директорами — выяснить их взгляд на «положение дел». Как, с Вашей точки зрения, идут сегодня дела в образовании?*

Александр Рывкин: Я бы сказал так — терпимо. До тех пор, пока то, что творится в верхних эшелонах власти, не докатывается до школы. Хотя тревожные симптомы, безусловно, присутствуют. Что я имею в виду? Школа, конечно же, институт консервативный. Но именно в школе, как на своеобразном испытательном стенде, гораздо быстрее, чем где бы то ни было, решаются проблемы становления будущей общественной социальности. В школе и около нее вращается большое количество идей, потому что именно здесь можно с большей долей успеха испытать тот или иной механизм функционирования будущего общества. Поэтому в школе всегда присутствует элемент эксперимента, развития. Но чтобы проходил эксперимент, нужна стабильность. И у школы она есть, в отличие от других общественных институтов. Школа — это уникальный организм, где поиск нового всегда сочетается с разумным консерватизмом, где это противоречие приводит к развитию.

Но сейчас этому единству возникает угроза. Одна из нынешних бед — тоталитаризация контроля. Мы возвращаемся в те времена, когда деятельность подменяли бумажками. Это очень сильно может захлестнуть школу, и тогда она превратится в консервативный институт, где не будет происходить «снятия противоречия» — в гегелевском понимании.

ВО: *Какие же из идей, которые вращаются в школе и вокруг нее, кажутся Вам интересными и разумными?*

А.Р.: Интересные идеи связаны в первую очередь с внесением в образование такой позиции, которая раньше теоретически, конечно, признавалась, но практически не использовалась — я имею в виду *со-творчество*. Часто говорят отдельно о творчестве учителя, отдельно о творчестве детей, а мне кажется, что сейчас все идеи, которые могут быть продуктивны в том числе и для развития общества, связаны с творческим взаимодействием детей и взрослых, с детско-взрослыми сообществами. Причем это взаимодействие должно осуществляться не по указке сверху, не по форматам, которые спускаются оттуда, не потому, что московским чиновникам или президентской команде вдруг понадобились какие-то сообщества — всякие там общественные советы школ и прочие кабинетные вещи. Это взаимодействие вырастает из жизни.

Еще один важный круг идей, которые только-только начинают воплощаться в школе, — переход от практики информационного образования к практике образования игрового. Что под этим понимается? Информационное построено не столько на развитии мышления, сколько на тренировке памяти, а игровое — всегда предполагает деятельность. Сейчас многие школы там, где существуют интересные коллективы, начинают с такими вещами работать.

ВО: *А куда в Вашей классификации «околошкольных» идей относятся те идеи, с которыми сейчас в обществе в первую очередь связывается представление о реформах: ЕГЭ, стандарты? Это «интересно и разумно» или «угрожает»?*

А.Р.: ЕГЭ и стандарты необходимы. Это стабилизирующий элемент, призванный закреплять ту самую консервативную часть школы, о важности которой я говорил. Без стандартизации образования решать проблемы развития невозможно — это надо ясно понимать. Другое дело, что у чиновников, занимающихся этими проблемами, есть пристрастие к тому, чтобы, скажем, считать те же стандарты нижней планкой нормы. Но мы-то знаем, что это не так. Пусть чиновники их откроют — тогда они увидят, что они сами по этим стандартам не могут считаться грамотными и образованными людьми, они под этой планкой свободно пройдут в полный рост — так непомерно она задрана. Что касается ЕГЭ, то по его принципам живет значительная часть мира. Но надо отдавать себе отчет в том, что наша страна коррумпирована в такой степени, что провести ЕГЭ порядочно (не скажу честно, но порядочно) очень трудно.

ВО: *Стабильность, о которой Вы говорите, может быть одним своим боком связана с сохранением традиций, а противоположным —*

с застоем и косностью. В этой школе Вы директор уже почти четверть века. Изменилось ли что-то здесь, и в школе вообще, с советских времен — или все «стабильно»? Правда ли, что, как говорят сейчас, мы утратили многие сильные позиции советской школы, — или традиция сохраняется?

А.Р.: Скажу сразу — очень многое остается. Во-первых, учителя. Хуже учить они не стали. Наоборот, они теперь получили большую свободу, изменилось их отношение к тому знанию, которое они дают. Другое дело, что идет процесс вымывания педагогических кадров, процесс старения — и неадекватного их возмещения. Приток талантливой молодежи пришелся все-таки на восьмидесятые годы, сейчас такого нет, выбирать не из кого. Во-вторых, ученики. То, что они стали хуже учиться, — миф. Я бы сказал, что мотивация их даже повысилась. В стране складывается образовательный потребительский рынок, стимулы и возможности учиться сейчас очень велики.

Другой вопрос, что во всем мире изменились представления о том, чему, зачем и как учить. Сейчас обществом востребованы люди-творцы, а не простые исполнители. А мы — я имею в виду наше образование — еще во многом к этому не готовы.

ВО: *Тогда, вероятно, все-таки стоит говорить об изменении целей образования. Как Вы лично их определяете?*

А.Р.: Для меня образование — это образование человека в течение всей его жизни. Брать на себя вселенскую миссию образования — полного и навсегда — школа не может и не должна. В советское время часто декларировалось: школа — это место, в котором «формируется личность», то есть, говоря современным языком, совершается личностное самоопределение человека. Но послушайте, человек больше, чем один-два раза в жизни самоопределяться не может — иначе мы всякий выбор начнем называть самоопределением. Поэтому применительно к школе, в рамках детского возраста я бы говорил о такой цели образования: породить у ребенка устойчивую мысль о том, что образование — это, если хотите, искусство — и в смысле способа деятельности, и смысле того, что за образованием стоит. Я имею в виду культуру целиком, культуру, в которую есть вход только через образование. Ребенок должен получить в школе желание и умение находить знания, а через них и вход в культуру. И еще одна важная цель: безусловно, помочь ребенку построить первичный вектор своего ближайшего развития. То есть ответить на вопрос: как я могу развить то индивидуальное, что у меня есть, чтобы двигаться по пути построения своей личности.

ВО: *Сейчас модно, рассуждая о целях образования, говорить о «компетентностях», которые необходимы человеку в современном*

мире и которые он должен получить в процессе школьного образования. Что это за компетентности, с Вашей точки зрения?

А.Р.: Все компетентности так или иначе связаны с будущей деятельностью человека. Проще говоря, это то, что человек должен уметь, чтобы начать действовать. Первое — это порождение идеи или принятие для себя чьей-то идеи, которая станет рабочей, определение того, что я хочу делать. Затем, нужно инициировать возникновение какого-то круга людей, которые эту идею вместе со мной будут реализовывать. Это абсолютно необходимая компетентность для любого человека. Далее — умение проектировать ход реализации идеи, анализировать ситуацию, просчитывать ресурсы, умение представить весь ход работы. Умение коммуницировать с людьми и использовать информационные технологии. А у нас часто компетентностями называют базовые умения типа умения читать и писать, пользоваться компьютером или знания иностранного языка. Это — исходные, первичные навыки, на которых должны надстраиваться уже настоящие компетентности.

Помимо всего прочего есть еще одна необходимая вещь, которую я бы определил как создание собственного нравственного образа. Тут совмещается масса всего: и как нужно останавливать гордыню, и как быть терпимым, что значит любить, как бороться с ненавистью и так далее. Ведь всякой деятельности, даже тщательно спланированной, всегда что-нибудь угрожает. Если мы научимся завистников делать соратниками, то тогда можно говорить, что мы что-то умеем.

ВО: *И вам удастся всему этому учить в Вашей школе? Если не секрет — как?*

А.Р.: Скажу так — мы еще учимся этому учить. По крайней мере, мы к этому стремимся. Все, о чем я говорил, — это основания для нашей деятельности, то, на чем школа базируется. Мне кажется, мы нащупали некоторые формы, которые позволяют нам корректировать традиционную модель преподавания. Мы уходим от предметности в образовании, которая, кстати, не только задает его рамки, но и разрушает целостность восприятия мира человеком. Например, в средних классах мы возвращаемся к естествознанию, в старших — пытаемся соединить историю и философию, и так далее. Еще один момент связан с попыткой изменить классно-урочную заданность образования. В нашем учебном плане есть такая замечательная вещь, как образовательная сессия, на которую собираются разновозрастные ученики, из разных классов, но предмет обсуждения на которой — единый. Скажем, «Что есть дробь?» или «Что такое движение?» И в ходе совместной деятельности выясняется, что это очень многогранные понятия, они встраиваются в разные области

жизни, они вообще-то еще и философски нагружены. А по гуманитарным предметам какие сессии получаются! Там можно закрутить через ту же литературу познание вообще всех сфер мира. При этом, что очень важно, дети помогают учиться друг другу. Такую практику мы ввели лет десять назад и поняли, что у нее огромные возможности. Потому что деятельностно не прожитое знание мертво и бесполезно. Вот, пожалуй, главное — деятельностно прожить знание, так, как его проживали те люди, которые его порождали.

ВО: *Насколько трудно вам существовать в системе государственного управления и пытаться реализовать эти идеи? Ведь государству легче управлять тем, что единообразно и не выбивается из ряда.*

А.Р.: Я скажу жестко: государство стремится навязать обществу мысль о том, что оно ему, этому обществу, нужно. Я уверен, наше общество в реальности способно сформировать свое самосознание, дойти до полного самоуправления и оставить государству только те функции, без которых общество прожить не сможет. Может, их будет одна-две — не больше. Но это в будущем. А пока мы начинаем опять возвращаться в советскую систему, при которой школа подотчетна во всем, прежде всего во всяких глупостях. Меня больше всего раздражают именно глупости государства. Ну ладно, когда проверяют учителя, требуют учебные планы, замеряют качество обучения и так далее — это все хоть какое-то отношение к процессу имеет. Но когда чиновник требует от меня, чтобы я бумагами организовал защиту от терроризма, — это полный бред.

Мой предшественник, Лидия Васильевна Фейгенбаум, которой я очень многим обязан в плане своего становления, научила меня еще в советское время, как защищать детей и учителей от насилия государства. Как микшировать, смягчать это насилие. Она умела делать это блестяще. Я вообще в первые два года (пока не сформировалась в школе команда, с которой я стал воплощать свои идеи), занимался только тем, что смотрел, куда бы щит подставить, чтобы, так сказать, сверху ничего не упало. Потом потихоньку переключились на творчество. А сейчас я опять чувствую, что начинаю, пока, правда, еще только сознанием, возвращаться в это оборонительное время. Но только тогда у меня имени и опыта не было. А теперь — есть, и я гораздо больше могу. И наработанное позволяет мне чувствовать себя свободным — по крайней мере, в образовательном творчестве.